

Чего у нас не бывает!⁴¹

(Глава из воспоминаний)

Конвойный открыл дверь и приказал: "Входи!" Я зашел в кабинет. Комиссар 2 ранга сидел за столом лицом ко мне. Седеющий, начинающий полнеть, хорошо выбритый он смотрел на меня ленивым недовольным взглядом. Круглое лицо, безучастные выцветшие голубые глаза.

- Я прочел ваше заявление и не могу понять, чего вы хотите. У вас есть лаборатория, книги, что еще вам нужно?

Вынул портсигар, закурил, сердито бросил спичку в пепельницу.

- Вы осуждены по очень серьезным статьям, и вообще непонятно, почему вам дали возможность работать в лаборатории. Похоже, что вы не очень дорожите этим, если забрасываете нас заявлениями.

- Гражданин комиссар, дело совсем не во мне. Дело в результатах моей работы. Прошу вас понять, речь идет о раке.

- Сейчас война и никого ваш рак не интересует. И что особенно-го вы сделали? Научились лечить рак?

- Война кончится, а от рака умирают и будут умирать немногим меньше, чем на войне. Я не научился лечить рак, но мои опыты показывают, что химические вещества, которые вызывают рак, на самом деле только способствуют истинной причине - вирусу - проявить свое действие, подобно тому как простуда способствует заболеванию туберкулезом. Когда будет ясна истинная причина рака, тогда легче будет найти средство для его лечения.

Я старался говорить медленно, убедительно. Комиссар смотрел на меня в упор. В этих блеклых голубых глазах не было никакого интереса ни ко мне, ни к тому, что я говорил.

- Все эти вещества, - продолжал я, - можно уподобить механизму, которым взводят курок, но ведь убивает пуля, так и при раке - убивает вирус, а все, что считают причиной рака, дает вирусу возможность "выстрелить".

Это было не точно, но я лихорадочно искал каких-либо слов и мыслей, привычных для этого человека. Мне показалось, что в глазах промелькнула какая-то искорка интереса. Я продолжал уже более горячо и настойчиво:

- Самое интересное, гражданин комиссар, заключается в том, что вирус только начинает болезнь, он наследственно превращает нормальную клетку в опухолевую, а дальше опухоль растет без его участия. Больше того, в опухолевых клетках создаются неблагопри-

⁴¹ Заголовок этой части воспоминаний Л.А. был дан им самим. Заголовок в журнале "Огонек" (1988. № 21. Май. С. 10-12) "Передать людям" был предложен Ф.Л. и Л.Л. Киселевыми, которые готовили сокращенный текст к публикации.

ятные условия для существования вируса, и он исчезает из них. Трагедия ученых, которые искали вирусы в опухолях заключается в том, что они искали их тогда, когда в большинстве случаев их в опухолях уже не было.

Зазвонил телефон.

- Да, да зайти через пару минут.

Немного задумался.

- Ну вот что. Напишите подробно, что вы там наделали, мы пошлем ваш отчет в Наркомздрав.

У меня сжалось сердце. Этого я боялся больше всего.

- Я не сделаю этого, гражданин комиссар.

- То есть как это не сделаете, - тон стал угрожающим. - Почему?

- В 1937 г., когда я и мои сотрудники открыли вирус дальневосточного энцефалита, а меня через несколько месяцев арестовали, мои подробные доклады Наркомздраву послужили материалом для публикаций лиц, которые пытались присвоить себе это открытие. Сейчас речь идет о научных данных, имеющих гораздо более крупное значение. Я не хочу повторения чего-либо подобного.

- А-а-а! Значит ваши личные интересы, вашу научную амбицию вы ставите выше интересов советской науки. Конечно, от вас трудно было бы ожидать чего-либо другого!

Глаза горели презрением. Я понял - полная неудача.

- Нет, гражданин комиссар, совсем нет, - говорил я уже горячо. - Я прошу опубликовать результаты работы не под моей, а под какой-либо вымышленной фамилией, чтобы советские исследователи могли использовать эти данные и вместе с тем, чтобы никто не мог их присвоить.

- Что же, может быть опубликовать это ваше "произведение" в "Известиях" или "Правде"?

С довольной улыбкой он нажал кнопку звонка. Вошел офицер. Небрежный взмах рукой в мою сторону:

- Взять, обратно.

* * *

На шарашке (так называли мы закрытую лабораторию, где работали) жизнь шла своим чередом. Нас было человек 80. Мы жили в двух комнатах. В одной маленькой помещалось три человека, в том числе и я, в другой - все остальные. Это были почти исключительно химики или люди близкой специальности.

Среди них было много больших специалистов, которые могли бы быть продуктивно использованы, особенно во время войны. Я попал в их компанию до некоторой степени случайно. Будучи в одном из северных лагерей, я узнал, что олений мох - ягель содержит много углеводов, и организовал довольно значительное производст-

во дрожжей, используя обработанный соответствующим образом олений мох в качестве среды для их размножения. Дрожжи были очень важным продуктом в наших условиях, главным образом - как источник витаминов. При подкожном введении они оказывали весьма благоприятное действие на тяжелые авитаминозы и дистрофии, в которых не было недостатка. Мои дрожжи спасли немало жизней. Затем я узнал, что из ягеля можно делать спирт, что было известно еще с конца прошлого века. В военных условиях казалось целесообразным использовать громадные на севере запасы ягеля для приготовления спирта, экономя картофель и зерно, из которых главным образом производили в то время спирт. Я и написал об этом начальнику довольно обстоятельную записку с соответствующими выкладками. Между тем подкожные инъекции дрожжей для лечения авитаминозов и дистрофий начали применять и в других лазаретах. Среди многих других трудностей, которые нужно было преодолеть для расширения дрожжевого производства, отсутствие пробок для закупорки бутылок с дрожжами было наиболее серьезным. Вместе с членом-корреспондентом АН, проф. П.И. Лукирским мы научились обрабатывать кору некоторых деревьев так, что она становилась эластичной за две-три недели. Это было достаточно, чтобы послать дрожжи в соседние лазареты. Всем этим заинтересовалось санитарное начальство лагеря, и по моему предложению был устроен съезд врачей лагеря, на котором, в числе других вопросов, обсуждался и вопрос о подкожном лечении дрожжами. Съезд происходил за полярным кругом и проходил очень оживленно и интересно. После моего доклада меня вечером вызвали к начальнику и сообщили, что на следующий день я должен ехать в Москву, ясно намекнули, что на пересмотр дела. Меня повез начальник одного из отделов управления лагеря. Учитывая состояние моего здоровья, мне дали для сопровождения сестру милосердия, которая работала санитарным инспектором нашего лагеря. Я хорошо знал ее. Очень милый и сердечный человек, она, случалось, присылала нам в лабораторию "для анализа" килограммов по 10-15 мяса, которое после промывания в марганцовке было более или менее пригодным для употребления. Все мы звали ее Зиночка.

Начальник отдела, который вез меня в Москву был исключительно вежлив и корректен. Он предупредил меня, что я могу ходить по вагону, выходить на станциях, писать письма и т.п. (чем я, конечно, в полной мере воспользовался) и вообще чувствовать себя свободно. Было похоже, что меня везут не просто на пересмотр дела, а на пересмотр с явно благоприятным исходом.

В одном из больших городов, который мы проезжали, и где поезд стоял больше часа, Зиночка просила меня пойти с ней на базар. Ей нужно было купить что-то для семьи, и мой совет казался необходимым. В базарной толчее я ее потерял. Безуспешно проискав ее некоторое время, я вернулся один на вокзал. Никаких замечаний от

начальника отдела не последовало. Было похоже, что меня везут на освобождение. Зиночка была уверена в этом.

В Москве ждало горькое разочарование. Начальник следственной части, к которому я был вызван по приезду, сказал мне совершенно категорически, что на ходатайство наркома здравоохранения о пересмотре моего дела отвечено отказом, решено дела не пересматривать и приговор оставить в силе.

- Вам надеяться не на что, - прибавил он, - будете отбывать свой срок, полный, целиком!

Через пару дней меня вызвали и предложили работать в бактериологической лаборатории. Я отказался. Предложение повторяли еще дважды. Уговаривали, грозили. Я отказался категорически. Продержали две недели с уголовниками. Одного из них я побил за кражу у меня масла. После этого отношения с ними наладились. Вызвали еще раз. Я опять отказался⁴².

Тогда вспомнили о моем предложении производить спирт из ягеля и направили в химическую лабораторию для уточнения технологии этого производства. Так я очутился в химической "шарашке"⁴³. Но работать по использованию ягеля не пришлось - не было соответствующей аппаратуры и помощи, так как приданный мне инженер-винодел занимался главным образом писанием подробных отчетов начальству о всех наших разговорах, о чем я достоверно узнал, подложив хорошо замаскированный лист копировальной бумаги к нему на стол⁴⁴. Проблема рака меня давно интересовала. Я быстро организовал лабораторию, получив все оборудование из института, где раньше работал, и нужную литературу. Это было очень важно, что мы имели всю нужную нам иностранную литературу.

Было много времени, чтобы думать и планировать во всех деталях каждый опыт. По особому разрешению можно было оставаться в лаборатории допоздна, и я широко пользовался этим. В лагере я уже наладил научно-исследовательскую работу, но было очень трудно с животными. Заключение за табак ловили мне домашних и

⁴² Л.А. не объясняет, почему он столь настойчиво отказывался работать в тюремной бактериологической лаборатории. Казалось бы, ему предлагали работать по его специальности. Шла война и ясно, что работа в тюремной бактериологической лаборатории могла быть так или иначе связана с использованием бактерий в военных целях, что для Л.А. было неприемлемо.

⁴³ Установить месторасположение в Москве этой лаборатории не удалось. О подобных лабораториях в Москве и других городах см.: *Костецкий П.В.* Химики ГУЛАГа. Личная и профессиональная участь 150 ученых. М.: ИБОХ РАН, 2002.

⁴⁴ Эпизод с разоблачением доносчика-осведомителя характерен для Л.А. Во-первых, как истинный ученый, он ищет однозначных доказательств своей гипотезы (к тому времени у Л.А. был богатый тюремный опыт и "вычислить" осведомителя было для него нетрудно, но важно было доказать справедливость своей догадки. Во-вторых, характерен прием доказательства - копия. Из воспоминаний Л.А. мы знаем, что именно копия спасла его в гимназии от провала на экзамене по латыни. Прежний опыт гимназиста сослужил свою службу.

полевых мышей, но на них было трудно экспериментировать. Здесь, на шарашке, к моим услугам было все необходимое. Работа быстро наладилась и развивалась успешно. Это было громадное наслаждение оставаться одному в лаборатории, читать, думать, экспериментировать, забывать о всем остальном.

Наши лаборатории помещались, по-видимому, на каком-то химическом заводе в расстоянии 7-10 мин. ходьбы от корпуса, где мы жили. Когда конвойный водил нас туда и обратно мы проходили мимо зенитной батареи и несколько девушек-красноармейцев недоуменно смотрели на нас. Как-то одна из них обратилась ко мне:

- Дед, а дед, скажи сколько время?

Мне тогда не было еще и 50 лет. Неужели я уже выглядел дедом?⁴⁵ Я не чувствовал себя стариком, а был полон решимости продолжать бороться за свое освобождение, голова была полна идей, связанных с моей работой, казалось я мог бы двигать горы, если бы мне дали свободу.

Вернувшись от комиссара я был очень расстроен. Впервые я почувствовал себя стариком. На что еще можно было надеяться? Позади были троекратный арест, годы тюрьмы и лагеря, особо тяжелые были два года, когда шло так называемое следствие, стоившее мне двух ребер⁴⁶, два заседания Военной коллегии Верховного Суда с обвинениями по 5 статьям, из которых каждая грозила смертью. Для оптимизма было мало оснований. Как и чем пробить эту стальную стену равнодушия и бессмысленности?

Припадки грудной жабы участились. Не хотелось больше работать. Сознание, что все сделанное никогда не увидит света, было мучительным. Ученый не может работать только "для себя". Во многих случаях работу двигает своеобразное "любопытство". Очень интересно узнать, как природа "сочинила" тот или другой процесс, каков его механизм. Но потребность сообщить познанное людям выше и сильнее этого "любопытства" и если для изучения нужна

⁴⁵ Ужасный внешний вид Л.А. ("дед") был связан не только с условиями жизни (они были намного сытнее и комфортнее, чем в Печлаге), а скорее всего с приступами стенокардии, которые его мучали все тюремные годы, и с тем, что он с осени 1941 г. ничего не знал о судьбе жены и двух сыновей.

⁴⁶ С переломанными ребрами связан один эпизод, который любил рассказывать Л.А., но который в написанный текст не попал.

Когда он стал академиком медицины, его прикрепили к соответствующей поликлинике, находящейся на Арбате, в Гагаринском переулке. Во время диспансеризации молодая женщина-врач, рассматривая рентгеновский снимок его грудной клетки, воскликнула: "Лев Александрович, у вас перелом ребер, а в вашей карточке об этом не сказано!". Л.А. улыбнулся и мгновенно сочинил историю о том, что в 1930-е годы, работая в Казахстане на вспышке оспы, он учился управлять автомобилем и попал в дорожную катастрофу, которая и оставила эти следы. Наивный молодой врач поверила маститому профессору, а профессор был очень доволен своей находчивостью.

тишина лабораторий, то для научных сообщений нужна аудитория с шумом возражений, с беспокойством споров, разное видение одного и того же материала.

Тишины было сколько угодно, холодной, мертвящей. Аудитории не было. Мучительно было и другое. Война шла успешно. Уже чувствовался ее скорый победный конец, а перемен никаких не было. Таяли надежды на скорое освобождение. Работать не хотелось. Мысль работала совсем в другом направлении.

Не знаю откуда и зачем, но у нас в лаборатории была папиросная, очень тонкая, высокого качества бумага. Даже если писать на ней чернилами, они не расплывались. А карандашом можно было писать очень, очень мелко. Что если попробовать написать на ней хотя бы основные результаты работы? Сколько это займет места?

Два, даже три листика этой бумаги можно было сложить таким образом, что они заняли бы объем не более пуговицы средних размеров. Такую "вещь" может быть и можно будет передать при свидании.

Это была очень трудная работа, не только потому, что приходилось писать микроскопическими буквочками, но и потому, что это нужно было делать так, чтобы решительно никто этого не видел, не только стража, которая ежеминутно наблюдала за нами через "глазок" в двери, но и другие работающие в лаборатории. Среди них был и мой инженер-винодел. Я вспомнил, как студентами мы хранили массу для гектографа, на котором печатались прокламации, в цветочных горшках, масса наливалась на дно, покрывалась восковой бумагой, а сверху помещалась земля с цветами. Нечто подобное было сделано и теперь. Папиросная бумага складывалась в пакетик из восковой бумаги и помещалась в студень очень темного агара-агара⁴⁷, который также был в лаборатории и который я делал темным прибавлением краски. Кончая работу, я всегда оставлял этот сосуд с агаром на самом видном месте. Труднее всего было найти возможность писать так, чтобы никто не видел. "Глазок" не был опасен. Я мог писать протоколы опытов, и они были у меня всегда под рукой. Я писал только тогда, когда в лаборатории никто, кроме меня, не был. Это было не часто, и работа шла очень медленно.

Папиросную бумагу, на которой я писал остро отточенным карандашом, приходилось часто складывать, запись на сгибах оказывалась испорченной и не один раз все приходилось переписывать. Я торопился закончить к очередному свиданию с родными, которые были один раз в два-три месяца. Но как передать незаметно на свидании хотя бы и такую маленькую вещь, размером с пуговицу. На свидании всегда присутствовал один, а чаще два человека из со-

⁴⁷ Агар и сегодня используется в микробиологии для размножения бактерий в качестве основы, на которой они растут в присутствии питательной среды.

ответствующего персонала. Они не только слушали, они внимательно смотрели. Обмануть их было почти невозможно.

Мне приходилось сидеть с уголовниками, в частности с карманными ворами. Все они, между прочим, замечательные слушатели. Они часами слушали, как я пересказывал им романы Дюма, или Жюль Верна. Они делились со мной и тайнами своей "профессии".

- Самое главное, - говорил мне один парнишка лет восемнадцати, - отвлечь внимание, тогда "он" (обкрадываемый) как баран становится, не только кошелек из кармана вынешь, а и часы срежешь. Ничего не заметит.

Отвлечь внимание! Но как? Ведь нужно было отвлечь внимание только у охраны, а не у моих посетителей. Меня обычно посещали мой брат В.А. Каверин и мой давний и близкий друг З.В. Ермольева, которая организовала поистине титаническую борьбу за мое освобождение. Кому из них попытаться передать? И как, отвлекая внимание охраны, сделать внимание друзей еще более напряженным. Ведь для них это будет неожиданным.

Я сделал 4 фигурки из хлеба. Пользуясь ими, разрабатывал всевозможные варианты, чтобы стать, заслоняя от наблюдающих правую или левую руки, или хотя бы кисть руки.

Настал день свидания. Этот день был всегда праздником для всех нас. Мы брились, одевали самое лучшее, что у нас было.

К среднему и безымянному пальцу левой руки я приклеил "пуговицу" с рукописью, ее легко можно было сделать свободной движением большого пальца этой же руки.

Свидание протекало обычно. Радость видеть дорогие лица смешивалась с сознанием горечи и бессмысленности своего положения. Быстро протекли положенные минуты. Прощаясь, я стал левым боком близко к З.В. Один из наблюдателей был за моей спиной, другой - за ее спиной. Я уронил носовой платок, который был в правой руке и тут же вложил пуговицу в ладонь З.В. Ладонь закрылась, рука не дрогнула и не двинулась. З.В. и В.А. вышли. Наблюдающий подал мне платок, который он тщательно осмотрел. Все было спокойно. Кажется, удалось!⁴⁸

Я вернулся на шарашку счастливым. Рукопись была в верных руках. Рано или поздно она увидит свет. Я не сомневался, что на следующем свидании я найду возможным дать понять З.В., что рукопись нужно печатать независимо от моей участи.

⁴⁸ Передача рукописи казалась бы абсолютно невозможной, если бы не было ее свидетелей-участников и самой рукописи. В этой истории поразительно все - от чисто научной разработки метода передачи текста с предварительным моделированием (в науке такое делается часто) до безрассудной смелости Зильбера (нелегальная передача текста, содержащего научную информацию, в условиях тюрьмы и срока в 10 лет в военное время, если бы она была замечена скорее всего на 90%, кончилась бы расстрелом). Наконец, ни слова о страхе (неужели его совсем не было?) и ни слова о возможной неудаче (патологический оптимизм?)

Но судьба сулила иначе. Следующее свидание не состоялось. Вернее оно состоялось на квартире З.В., и уже не было необходимости выдумывать фамилию автора статьи. Он мог подписать собственную фамилию.

Освобождение было совершенно неожиданным. Все годы тюрьмы и лагеря были непрерывной борьбой за реабилитацию, за освобождение. Многие десятки заявлений моих и моих друзей, и учеников в самые высокие адреса, все натыкалось на каменную стену полнейшего равнодушия. До конца войны я уже не ждал никаких перемен. И вдруг...

После тяжелого припадка грудной жабы меня положили в Бутырскую больницу. На пятый или шестой день вечером загремел засов, открылась дверь и в камеру вошел... комиссар II ранга, тот самый, у которого я недавно был. Зачем? Что ему нужно еще от меня? Волна беспокойства и тревоги заставила насторожиться до предела. Комиссар был большим начальством, полагалось встать. Я продолжал лежать в постели и молчал. Комиссар сел на свободную кровать, стоящую у противоположной стены.

- Как ваше здоровье, профессор?

Слово "профессор" резануло слух. Я давно уже не слышал его. Что же это значит?

- Я чувствую себя хорошо. Почему это интересует вас?

Он пристально посмотрел на меня. Я удивился. В голубых глазах не было неприязни, скорее чувствовалось какое-то любопытство, какой-то интерес ко мне.

- Вы я вижу здесь читаете.

Он взял в руки научный английский журнал, который я взял с собой из шарашки, когда меня отправляли в больницу.

- Что же, прочли что-нибудь интересное?

- Для меня, да.

Я недоумевал. Комиссары II ранга не ездят по тюрьмам, чтобы осведомиться о здоровье заключенного или узнать, что он читает. Чего же ему от меня нужно? Одно за другим, самые невероятные предположения проносились в мозгу. Я был напряжен, как заведенная до отказа стальная пружина.

- Вот что я хочу сказать вам, профессор, только пожалуйста не волнуйтесь, все будет теперь хорошо. Ведь жить у нас вам наверняка надоело, не правда ли?

- Мне кажется, что это никому здесь не интересно, и меньше всего вам.

Я отвечал довольно резко. Казалось, комиссар просто издевается надо мной. Но не для этого же он приехал!

- Пожалуйста не волнуйтесь, профессор. Я приехал сказать вам, что вы можете ехать домой, да, домой.

Я не верил ни одному его слову.

Видимо, идет какая-то непонятная игра. Но что же это за игра? Может быть я для чего-то срочно понадобился, но для чего же? Это было любопытно.

Я лежал, укрытый одеялом, и молчал.

- Я говорю вам совершенно определенно - вы будете освобождены. - Вызовите сюда дежурного врача, - обратился он к конвойному, вместе с которым вошел в камеру.

Не прошло и минуты, как вошла женщина - врач. Ясно, она была предупреждена и находилась где-то рядом. Что же за комедия разыгрывалась передо мной?

- Каково состояние заключенного? Могу я его у вас забрать, - обратился комиссар к врачу.

- Да, состояние удовлетворительное, можно взять. Доктор даже не посмотрел на меня.

- Тогда прикажите, чтобы принесли его одежду. Доктор вышел и конвойный вышел вместе с ним.

Комиссар вновь сел на противоположную кровать.

- Ну что же, скоро поедem. Я не вижу, профессор, чтобы вы были довольны и рады.

- Жизнь "у вас" научила меня не радоваться преждевременно. Может быть, вы покажите мне распоряжение о моем освобождении?

Комиссар улыбнулся.

- Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Принесли мою одежду. Я встал и оделся. Немного кружилась голова. Неотступно сверлила мысль - что же все это значит?

Мы вышли в коридор, безукоризненно чистый и широкий. По мягким дорожкам, расстеленным вдоль камер, беззвучно ходили часовые, заглядывая в глазки камер. Они становились во фронт, когда мы проходили мимо, и отдавали честь комиссару. Мне стало весело. Никогда не думал, что буду ходить по этим знакомым коридорам под таким почетным эскортом. Но что же дальше? Спустились на первый этаж. Зашли в какую-то комнату канцелярского типа.

- Подождите меня здесь. Я зайду к начальнику тюрьмы и сейчас же вернусь.

Я остался один. Конвоя не было. Посмотрел в окно. Оно было зарешечено, но железного щита, который позволял видеть только клочок неба (которые были на всех окнах в камерах) на нем не было. Была уже ночь. Двор, видимый в окно, был хорошо освещен.

Я сел на стул и попытался еще раз разобраться в происходящем. У меня уже был двукратный опыт освобождения. Я твердо знал, что освобождают, выдавая на руки после довольно длительной процедуры 1) соответствующий документ и 2) личные вещи. Ни того, ни другого мне не давали. Следовательно, это не освобождение. Но что

же? Оставалось ждать и следить за разворачиванием событий. Решил быть предельно сдержанным и ничего не спрашивать.

Комиссар вернулся, и мы пошли с ним к выходу из тюрьмы. Стража взяла под козырек, прогремели засовы, открылись громадные, звенящие железом, двери, и мы очутились во дворе. Стоял март, в воздухе была разлита весенняя свежесть, хотелось дышать полной грудью. Я остановился и оглянулся вокруг. Подъехала большая черная лакированная машина. На переднем сиденье рядом с шофером сидел офицер. Комиссар открыл заднюю дверь и пригласил меня войти. Он также вошел и сел рядом со мной. Машина тронулась. Громадные стальные ворота раздвинулись, и Москва приняла нас в свои родные улицы.

* * *

- Куда же вас отвезти, профессор?

Неужели же меня действительно хотят везти домой? Но "дома" давно уже не было. Я жил очень далеко, за Покровским-Стрешневым. Моя жена и дети были в немецком плену и я не знал, живы ли они⁴⁹, моя квартира была занята, в ней жили сотрудники института⁵⁰. Все это я знал еще в лагере из писем родных и друзей. Что же сказать?

- Везите меня на Сивцев Вражек, к профессору Ермольевой.

Сивцев Вражек был очень близко. Уже через 10 минут я буду знать хоть что-либо достоверное. И если действительно хотя бы на минуту увижу З.В., может быть смогу сказать ей о рукописи.

- Пожалуйста, какой ее точный адрес?

Я ответил. Машина остановилась у подъезда дома, где жила З.В.

Комиссар обратился к офицеру, который был с нами, и приказал ему подняться в квартиру Ермольевой и передать ей, что я внизу и прошу ее спуститься к машине. Я похолодел. З.В. заманивают в машину, чтобы куда-то везти, может быть арестовать.

- Но позвольте, - почти закричал я, - я вовсе не прошу ее спуститься вниз.

Но было уже поздно, офицер вышел из машины, хлопнула входная дверь в подъезде.

Комиссар ничего не ответил. Мы молчали. Время тянулось невыносимо медленно. Прошло минут 8-10, офицер не возвращался.

А что если выскочить из машины и побежать самому к З.В.?

⁴⁹ Л.А. считает, что жена и дети были в плену, но знать с уверенностью об этом в это время не мог никто.

⁵⁰ В квартиру Л.А. после его ареста и исчезновения семьи (дом принадлежал институту, где до ареста работал Л.А.) поселили Татьяну Михайловну Дворецкую, жившую с матерью в коммунальной квартире. Если бы она этого не сделала, квартиру мог бы занять кто угодно.

Комиссар сидел справа от меня ближе к подъезду, офицер был где-то на лестнице, документов у меня не было. Нет, прорваться к З.В. невозможно.

Прошло еще несколько минут. Неужели что-либо случилось с З.В.?

Наконец офицер вернулся.

- Ермольева, - доложил он комиссару, - не открывает дверь. Требуется, чтобы явился сам профессор или представитель домоуправления. Я просил, убеждал, но безуспешно.

- Ну что же теперь делать? Придется, видимо, вам идти самому, - комиссар был явно недоволен. - Желаю вам здоровья и успеха. Не поминайте нас лихом. - К офицеру: - Проводите профессора.

Я вышел из машины вместе с офицером и поднялся на третий этаж. Вас впустили. Вся квартира была в страшном волнении.

Все были на ногах, хотя было около часу ночи. Офицер не уходил. Когда я освободился от крепких объятий, он сказал мне: - Ваши документы и вещи вам привезут через несколько дней. Если в течение этого времени вас будет беспокоить милиция или домоуправление, звоните нам. Вот наш телефон.

Он отковырял и ушел. Через пару минут я вышел на лестницу и посмотрел в окно. Машина медленно отъезжала от дома. Неужели действительно это была свобода? Все было так необыкновенно. Какая-то непонятная слабость охватила меня. Было трудно двигаться, рассказывать, думать, пить, есть. Просто хотелось сидеть, смотреть на милые лица и забыть, все забыть. З.В. рассказала мне, что в этот день утром мать моей жены передала в Кремль письмо, адресованное И.В. Сталину виднейшими учеными нашей страны⁵¹. Первыми его подписали ныне покойные главный хирург Красной Армии академик Н.Н. Бурденко и вице-президент Академии наук Л.А. Орбели. В этом письме они выражали уверенность в моей невинности, указывали на значение моих работ и просили И.В. Сталина о пересмотре моего дела.

Нужно было обладать, помимо других качеств, и большим мужеством, чтобы в 1944 г. подписать такое письмо. Подобный коллективный акт не мог не произвести впечатления. Поразительна была быстрота реакции. Письмо было передано в Кремль в 10 часов утра 21 марта, а в тот же день, в первом часу ночи я уже был на свободе. Казалось ясным, что я освобожден по прямому распоряжению И.В. Сталина, документы об освобождении, по-видимому, не успели еще приготовить.

На следующий день мне привезли все мои вещи. Они даже не подвергались осмотру. Самое важное, что в полном порядке были все мои записи, протоколы опытов, копии заявлений.

27 марта мне привезли справку об освобождении, из коей явствовало, что я освобожден решением Особого Совещания от 25 марта (!).

⁵¹ Письмо, о котором идет речь, публикуется выше.

Народному Комиссару Здравоохранения СССР
тов. Митереву Г.А.

Около двух недель тому назад я в личном докладе сообщил Вам о том, что в подготовленный список моей квартиры подброшено анонимное письмо следующего содержания:
"если ты - предвечная морда сейчас будешь вылезать на поверхность поделаешь на север навсегда"
24/5 было подброшено 2-ое анонимное письмо, в котором стояло всего одно слово "погрязнешь"
Для меня очевидно, что моя работа, которую и сейчас ведут наиболее интенсивно, мешает каким то образом из нашей научной среды, которые не могут встретиться против меня открыто и пытаются подлезать моей работе или угнетать меня какими угрозами. Письма передали лично в Наркомат безопасности.

Л. Зильбер

2-К-441.

С. С. С. Р.

МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

гор. Москва

СПРАВКА №1392.
О СНЯТИИ СУДИМОСТИ

ЗИЛЬБЕР

Лев Александрович

1894 года рождения, уроженец с. Медведь, Новгородской области

был осужден 18 июля 1941 года

за антисоветскую деятельность к заключению в ИТЛ по ст. ук.

сроком на 10 лет. 25 марта 1944 года из-под стражи досрочно освобожден.

По постановлению Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза С. С. Р.

от 15 января 1949 г. указанная судимость, вместе

со всеми связанными с ней ограничениями с ЗИЛЬБЕР Л. А.

снята.

Дом. № 111, отдел. № 111, Москва, СССР. Отдела А. П. оюза С. С. Р.

отделению

27 января 1949 г.

Справка о снятии судимости (январь 1949 г.)

Все это укрепило меня в мысли, что И.В. Сталин лично распорядился о моем освобождении. Много лет спустя я узнал, что это не так. Письмо столь видных ученых произвело переполох в руководящих кругах тогдашнего КГБ. Было, вероятно, не ясно, как будет реагировать на него И.В. Сталин. А вдруг и им достанется. Решили освободить и не передавать письмо Сталину. Эту версию сообщил мне один из военных прокуроров, близко знакомый с моим делом. Но как бы то ни было, я был на свободе. Нужно было вновь организовать жизнь и работу. Все формальности с получением паспорта прошли очень быстро. Я вновь был полноправным гражданином своей страны.

Через несколько дней я получил обратно свою квартиру. Москва была еще полупустой и Т.М. Дворецкая, моя лаборантка, которая за время моего отсутствия сделалась заместителем директора института по административной части и жила в моей квартире, быстро нашла площадь для себя и сотрудников, живших с ней. В квартире все было в полном порядке. Я бросился к книгам - все на месте, все цело. В буфете я нашел наполовину опорожненную бутылку коньяку. Я помнил эту бутылку. Мы не кончили ее за несколько дней до вынужденного отъезда. Как мог уцелеть коньяк за почти четыре года моего отсутствия в военное время?!

- Татьяна Михайловна! Как это могло случиться? - обратился я к Дворецкой.

- Да ведь все время ждали вас. Берегли, чтобы выпить за ваше освобождение. Разве теперь достанешь?

В квартире все было в порядке. Но я был один в четырех стенах и поминутно наткался на вещи жены, на игрушки детей. Где они, живы ли?

* * *

Мой первый визит, не считая, конечно, друзей, был к народному комиссару здравоохранения. Г.А. Митерев принял меня очень ласково, почти дружески, и в этой теплоте чувствовалась искренность, горячее желание помочь мне. Я сидел у него долго и конечно подробно рассказал о своей работе по раку. Он внимательно слушал, спрашивал о деталях. Потом рассказал об организации Академии медицинских наук.

- Вот видите война еще не кончилась, а мы строим уже мирную жизнь, - кончил он свой рассказ об Академии.

- А ведь пожалуй рак-то будет одной из самых важных проблем в Академии⁵², - продолжал он. - А что если бы вам написать подвал для "Известий" или "Правды" об этой проблеме? И, конечно, напи-

⁵² Действительно, проблеме рака решением правительства было придано приоритетное значение, о чем сообщил президент АМН Н.Н. Бурденко в интервью газете "Правда" 18 апреля 1945 г., № 92 (9863), с. 2.

сать и о своих опытах? А? Это было бы очень полезно. А кроме того, все узнали бы, что вы пишете... в центральных газетах. Это радость не только для меня.

В июне 1944 [наверху приписано "В январе 1945"] г. газета "Известия" № 14 напечатала мою статью "Проблема рака". Она заняла целый "подвал"⁵³. В этой статье были изложены и мои тюремные эксперименты. Прошло около двух недель. Я работал в лаборатории.

- Л. А. Вас к телефону.

- Профессор, с вами говорит комиссар, - он назвал фамилию. - Здравствуйте, как вы чувствуете себя, товарищ профессор. - Голос звучал как-то неуверенно. - Как вы чувствуете себя?

- Я? Хорошо, - что за странный звонок?!

- Мне хотелось бы повидать вас, товарищ профессор (слово "товарищ" было чуть-чуть подчеркнуто). Может быть вы приехали бы к нам. - Молчание. Беспокойно думаю, что все это значит.

- Я понимаю, что вам не очень приятно приезжать к нам. Но уверяю, речь идет о небольшой научной консультации. Я пришлю за вами машину. Когда вам удобнее приехать?

Все оказалось правдой. Жена заболела раком и комиссар хотел узнать, нет ли каких-либо новых средств для лечения? Я рассказал все, что знал. Это было малоутешительным.

Когда мы расставались и я поднялся с кресла, у которого стоял такие тяжелые минуты несколько месяцев назад, я бросил на прощание:

- А что, товарищ комиссар (слово "товарищ" было чуть-чуть подчеркнуто), читали вы "Известия" с моей статьей? Голубые глаза добродушно сверкнули.

- Чего у нас не бывает, товарищ профессор.

* * *

В 1962 г. в Москве проходил VIII Международный онкологический конгресс. Мне пришлось читать на нем лекцию о роли вирусов в происхождении рака. В основу этой лекции была положена та же старая теория, родившаяся в тюремных стенах. За 18 лет она обросла большим экспериментальным материалом, получила многочисленные прямые и косвенные подтверждения. Актный зал университета был переполнен. На лекции присутствовали ученые многих стран. В одном из передних рядов я заметил военного, который уж очень бурно аплодировал. Жаль, я не видел его достаточно отчетливо, но я невольно вспомнил: "Чего у нас не бывает?!".

И в самом деле - чего только у нас не бывает...

⁵³ Статья приведена в Приложении к гл. 12.